

РЕЦЕНЗИИ

Joseph Kohnen. Lyrik in Königsberg. 1749 – 1799. – Frankfurt am Main; Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Wien: Lang, 2000 (Regensburger Beiträge zur Deutschen Sprach – und Literaturwissenschaft; Bd. 74)
(Й. Конен. Лирика в Кёнигсберге. 1749–1799)

В 2000 г. Европейское издательство наук во Франкфурте-на-Майне (ФРГ) выпустило в свет монографию профессора Люксембургского университета Йозефа Конена «Lyrik in Königsberg. 1749–1799». Эту фундаментальную работу можно считать в своем роде уникальной, поскольку в ней впервые осуществлена попытка последовательного и системного анализа достаточно представительного, но малоизвестного в широких литературоведческих кругах поэтического наследия культурного пространства Кенигсберга второй половины XVIII века.

Будучи прекрасным знатоком и неустанным исследователем истории и литературы Восточной Пруссии, автор упомянутого научного труда особо подчеркивает в своем предисловии то обстоятельство, что традиционно с названием Кенигсберга связывают прежде всего представление о творчестве великого философа «всех времен и народов» И. Канта. Именно поэтому восточнопруссский регион ассоциируется с целым рядом серьезных философских течений и с серьезной философской *прозой*, хотя определенная лирическая тональность, по мнению Й. Конена, достаточно отчетливо ощущается в трудах Гамана, Гиппеля, Гердера, Зудермана и обоих Вихертов. Область же непосредственно художественного творчества осваивалась здесь лишь немногими, к числу которых относится, несомненно, Э.Т.А. Гофман. В этом смысле и поэтессе Агнес Мигель следует считать, скорее, «одиноким исключением».

Тем не менее, как констатирует исследователь, в Восточной Пруссии наблюдалось два пусть кратких, но весьма ярких периода подъема лирической волны. В подобном контексте уместно упомянуть о деятельности первого кенигсбергского поэтического кружка, сформировавшегося вокруг Симона Даха (так наз. Kürbishütte) в первой половине XVII в. и распавшегося в 1659 г., после кончины этого мастера немецкого стихосложения, а также о последующем возникновении во второй половине XVIII в. «в тени ученых Альбертины» второго кружка, который, правда, не являл-

ся поэтическим объединением в прямом смысле слова и ни один из представителей которого, к сожалению, так никогда и не достиг подлинной вершины лирического искусства.

Именно этому второму периоду расцвета лирики в Кенигсберге XVIII в. в эпоху заката пиетизма и позднего Просвещения и посвящен ряд очерков, составляющих монографию, где ученому удалось скрупулезно проанализировать особенности поэтического творчества всех ученых и писателей, имевших хоть какое-либо отношение к упомянутому течению, и объективно оценить индивидуальный вклад каждого из них в общелитературный процесс.

Исследование Й. Конена, покоряющее авторской эрудицией, богатством цитируемого текстового материала, глубиной охвата разнообразных научных источников, а также меткостью суждений, открывается (что само по себе символично) фрагментом об И. Канте, который, согласно утверждениям Морцфельда, Гиппеля и Яхмана, сочинил определенное количество стихов, ныне, впрочем, безвозвратно утерянных. Сохранившиеся немногочисленные стихотворные эпитафии, посвященные университетским профессорам и приписываемые Канту, вряд ли могут служить, как справедливо отмечает автор, безусловным доказательством прямой причастности «галантного магистра», славящегося блестящей отточенностью языка, к поэтическому творчеству, поэтому в данном случае было бы явным преувеличением говорить о философе и поэте в одном лице, как это имеет место, например, в отношении Фр. Ницше.

Достаточно значительным событием в истории восточнопрусской лирики Й. Конен считает появление в марте 1749 г. еженедельного журнала «Daphne» (1749 – 1750), в котором царил анакреонтический дух и где публиковался, прежде всего, обширный развлекательный материал (анекдоты, басни, сатира и т.д.). Ведущими сотрудниками нового издания, просуществовавшего, однако, столь недолго, стали И.Г. Линднер и И. Фр. Лаусон, от которых исходила сама идея создания такого журнала, а также И. Кр. Вольсон, И. Кр. Беренс и, наконец, И.Г. Гаман. Впрочем, как указывает далее профессор из Люксембурга, вклад этих ученых непосредственно в область поэзии был весьма скромным: из них всех, пожалуй, лишь И. Фр. Лаусон (1727 – 1783) смог возвысить лирику до главной составляющей своего литературного творчества, благодаря чему и достиг определенной известности, несмотря на довольно средний уровень собственного мастерства. Основной темой лирики поэта становится священное чувство дружбы, связывающей его, в первую очередь, с Гаманом. Последнему и посвящено одно из самых лучших произведений Лаусона – стихотворение «Die Laute» объемом в 22 печатные страницы, напоминающее по духу и ритму творения античных авторов.

Как тонко подмечает автор монографии, Лаусон перевоплощается здесь на фоне пышной восточнопрусской природы, на берегу тихо струя-

щегося Прегеля, в античного пастуха, а в качестве Музы, вдохновляющей его, «сквозь время и пространство», выступает стилизованный под античного героя сам И.Г. Гаман, выполнявший в период написания стихотворения обязанности гофмейстера в далекой Лифляндии.

Особое внимание Й. Конен уделяет творчеству, как он пишет, «трех корифеев» поэтического искусства Альбертины середины XVIII в.: речь идет о братьях – ученых, общественных и политических деятелях И.Г. Боке и Фр. Сам. Боке, а также о преемнике Линднера – профессоре И.Г. Кройцфельде. Осмысливая их роль в формировании второй лирической волны в Восточной Пруссии, исследователь наиболее подробно освещает деятельность старшего брата Иоганна Георга Бока, профессора poeseos, автора оригинального труда «Idioticon Prussicum oder Entwurf eines Preußischen Wörterbuches», ректора Кенигсбергского университета, специализировавшегося на политических одах и гимнах. Сила его заключалась в мастерском изготовлении по классическому образцу хвалебных песнопений во славу «великих мира сего», в частности, прусского короля Фридриха Вильгельма I, подобного, в интерпретации И.Г. Бока, «античному Августу», или, например, его преемника Фридриха II, превратившего Берлин в «обитель Муз», «Афины» и «новый Геликон», и даже императрицы Елизаветы в период оккупации русскими войсками Восточной Пруссии (1758 – 1762).

И здесь исследователь в достаточно критической манере, свойственной ему, впрочем, на протяжении всего научного изыскания, указывает, что данный сочинитель, хваливший венценосцев «быстро, охотно и часто», умел «держаться по ветру», превращаясь в зависимости от характера власти(теля) из отъявленного пацифиста, «апостола мира», в сторонника активных военных действий на международной арене.

Безусловно, говоря о лирической струе в литературной жизни Восточной Пруссии, нельзя не упомянуть имя одного из самых выдающихся ученых XVIII столетия, теолога, историка, философа и филолога И.Г. Гердера, хотя его поэтические попытки, по мнению Й. Конена, не всегда отличались хорошим вкусом и высоким мастерством. Да и в Кенигсберге он провел всего два года (1762 – 1764), будучи еще студентом, однако именно здесь было напечатано его первое стихотворение – хвалебный гимн русскому царю Петру III, известному почитателю военного таланта Фридриха II. Не секрет, подчеркивает люксембургский литературовед, что Гердер питал явные симпатии к русскому народу и верил в высокий потенциал русской духовной элиты: это дает право считать его, в определенном смысле, «русским патриотом». Однако упомянутый опус великого немецкого ученого, равно как и другие его подобные творения (в частности, ода, посвященная восшествию на российский престол царицы Екатерины), нельзя считать удачными в силу излишне высокопарного стиля и обилия риторических фигур.

В целом, как отмечает автор рецензируемого исследования, из всех кенигсбергских писателей 2-й половины XVIII в. самым одаренным и многосторонним поэтом был, несомненно, Т.Г. фон Гиппель (1741–1796), однако и тут необходима следующая оговорка: по мнению Й. Конена, развитию лирического таланта Гиппеля (а в прозе в определенных жанрах он достиг подлинного мастерства) воспрепятствовал целый ряд обстоятельств объективного и субъективного характера. Так, являясь серьезным драматургом, этот мыслитель написал два значительных в истории немецкой литературы романа, в своих эссе выступал в качестве первого поборника женской эмансипации в Германии и оставил после себя целый ряд философских и политических трактатов, а также собрание ценных в культурно-историческом плане масонских речей. Подобная широта интересов и «загубила» в известной мере, подчеркивает исследователь, лирический талант Гиппеля.

Сочинять многочисленные стихи Гиппель, работавший поначалу исключительно анонимно, начал уже в молодые годы. К самым значительным произведениям раннего периода относится его «Rhapsodie», выдержанная в элегических тонах, пронизанная идеей и символикой смерти и воспевающая сладость потустороннего бытия в сравнении с унылым земным существованием. Около 1770 г. из-под пера Гиппеля появляется достойная упоминания ода «An Herrn Schefner», посвященная его единственному истинному другу – поэту И.Г. Шефнеру, написанная александрийским стихом и свидетельствующая о переходе автора к творческой зрелости.

Вторая фаза его поэтической деятельности находит свое наглядное отражение в сборнике стихов «Geistliche Lieder» (1772), где манифестируются нравственно-религиозные воззрения писателя. В своей «поэзии смерти» Гиппель сумел объединить традиции пиевизма и Просвещения, а проявившаяся в рамках этой лирики склонность ученого к теоцентризму и одновременно к глубокому очеловечиванию христологии, популяризация им библейских мотивов и образов и, наконец, безудержное растворение индивидуального Я в боге посредством молитвы полностью соответствовали духу времени, что и принесло сборнику Гиппеля достаточную известность.

А вот по количеству стихов, как показали исследования профессора из Люксембурга, лидерство среди всех кенигсбергских поэтов указанного периода явно принадлежало вышеупомянутому другу Гиппеля Иоганну Георгу Шефнеру (1736–1820), общественному деятелю, патрицию и баловню судьбы, в отношении к которому правомерность употребления слова «писатель», согласно Й. Конену, представляется, однако, весьма спорной. Интересно, что, будучи достаточно амбициозным человеком, Шефнер также выпускал свои сборники анонимно, скрывая свое истинное имя до той поры, пока не становилось ясно, что его продукция получила благожелательный отклик у читательской публики. Это касается, в частности, многочисленных *Erotica*, составляющих существенную часть лири-

ческого наследия Шефнера. Достаточно убедительным представляется мнение Конена о том, что образцы литературного дилетантства, увидевшие свет в трех сборниках Шефнера («Jugendliche Gedichte», «Campangen-Gedichte», «Freundschaftliche Poesien eines Soldaten»), явно свидетельствуют о невозможности для данного автора покорить когда-либо Парнас, несмотря на все потуги и претензии.

Весьма любопытным для современного читателя может явиться осуществленный далее Й. Коненом обзор лирики масонов, которая, по мнению исследователя, является поэзией избранного общества, предназначенной для декламации лишь в узком кругу единомышленников. Очень часто такие стихи перекладывались на музыку известными композиторами – членами масонского ордена. В подобной связи автор цитирует текст популярной песни «свободных каменщиков» «Maurerberuf», принадлежащий Гиппелю.

Наиболее репрезентативная картина кенигсбергской масонской лирики представлена в неоднократно переиздававшемся сборнике «Lieder für Frey-Mäurer» (1772, 1775, 1780), где пропагандировались идеи необходимости установления всеобщего братства и облагораживания человеческого рода до уровня «граждан мира». Практически, начиная с 70-х годов XVIII в., эта поэзия, как указывает Й. Конен, является неотъемлемой частью региональной литературы культурного пространства Кенигсберга.

Отдельного рассмотрения в монографии люксембургского ученого заслуживает поэтический дар Иоганна Михаэля Гамана (1769 – 1813), сына великого «мага с севера» И.Г. Гамана. Будучи сверхчувствительной, меланхолической натурой и человеком весьма скромным, он выпускает в свет сборники «Gedichte eines Dilettanten» и «Poetische Versuche», пытаясь уже в названиях подчеркнуть отсутствие у себя каких-либо притязаний на литературный талант. Впрочем, указывает Й. Конен, несмотря на определенное эпигонство, от стихов Гамана-младшего, воспевающих в анакреонтических традициях любовь, дружбу, природу и счастье бытия, веет свежестью молодости. Этот застенчивый, робкий человек сочинял также удивительно мелодичные и трогательно-нежные колыбельные песни, первая из которых была им написана в возрасте 12 лет.

Но больше всего впечатляет любовная лирика И.М. Гамана. Его Музой и бессмертной возлюбленной становится некая загадочная Janthe (возможно, будущая супруга поэта, дочь известного органиста Подбельского), которой и посвящены цитируемые Й. Коненом прекрасные и прозрачно-ясные, как «хорошо отшлифованные драгоценные камни», стихотворения «Der Knoten», «Die Aussicht», «Mein Mädchen», «Der Gürtel» и «Arzeney». Эти произведения, слегка напоминающие шедевры великого Гёте, могли бы, безусловно, украсить любую антологию немецкой лирики.

Завершает монографию очерк, посвященный «последнему многообещающему поэту столетия» Захарию Вернеру (1768 – 1804), который прославился в Кенигсберге, прежде всего, своими авантюрными любовными похождениями, поклонением идеалам Ж.-Ж. Руссо, а также многочисленными остроумными эпиграфами, являющимися по содержанию сатирой, а по форме – баснями и притчами. Кроме того, он внес определенный вклад в лирику «свободных каменщиков».

В достаточно обстоятельном и убедительном заключении автор исследования констатирует, что во второй половине XVIII в. в культурном центре на Прегеле возникло не только много прозаических, но и немало поэтических творений. Однако, как вновь подчеркивает Й. Конен, странным образом в самом сердце Восточной Пруссии не родилось ни одного сколько-нибудь именитого лирика, а общее качество лирических произведений так и не поднялось выше среднего уровня. Причины этого люксембургский профессор видит в традиционной концентрации в данном регионе ученых и священнослужителей, а с другой стороны – в активной деятельности жителей города в сферах торговли, ремесла и судоходства, что отнюдь не способствовало процессу процветания изящных искусств. Определенную негативную роль сыграли также островное положение Кенигсберга, его значительная отдаленность от блестящей атмосферы западно- и средневропейской культуры.

В подобной связи следует упомянуть, по мнению Й. Конена, и некоторый недостаток темперамента жителей Восточной Пруссии, их тягу к оседлому, устоявшемуся укладу жизни, преобладание рационалистического и теологического элементов в менталитете населения.

А вот к числу несомненных достижений региональных поэтов XVIII в. автор монографии относит глубокую разработку ими философской темы смысла жизни и небытия. Кенигсбергская «поэзия смерти», идущая от Симона Даха, представлена в многочисленных творениях Бока, Лаусона, Гиппеля, И.Г. Гамана и его сына И.М. Гамана и нашла свое достойное завершение в творчестве Э. Вихерта и А. Мигель.

Другой постоянной темой довольно узкого круга литераторов Кенигсберга является проблема поэта и поэтического творчества, однако при этом необходимо отметить, что традиции немецкой классики играли в данном уголке Германии весьма незначительную роль.

В итоге, делает вывод автор монографии, подлинное значение кенигсбергской лирики состоит именно в ее регионально обусловленных акцентах, в отражении в рамках этой скромной поэзии самых ценных сведений об истории, культуре и быте Восточной Пруссии во второй половине XVIII столетия, что и дает основания считать ее неотъемлемым компонентом всеобщей немецкой истории литературы.

Л. Бондарева